

«Средь суеты и рутины бумажной в каждой судьбе возникает Однажды...»

Однажды в типографии

Мои родители никогда не говорили о романтических отношениях до свадьбы, но всегда очень нежно относились друг к другу. После окончания политехнического института отец получил профессию инженера по автоматизации технологических процессов и производств и решил остаться жить в городе, где закончил вуз. Перед началом трудовой деятельности в крупном издательстве инженером-ремонтником типографского оборудования отец съездил на каникулы в родную деревню, где попросил отца найти скромную и красивую невесту. Смотрины состоялись через несколько дней, выбор пал на симпатичную соседку из хорошей работающей многодетной семьи. Свадьбу сыграли в конце августа того же года. Молодая скромная деревенская девушка в инженере видела принца, переезд в город – настоящим чудом. Она умела радоваться мелочам, стала хорошей хозяйкой, вскоре подарила новой семье наследника, чем навсегда заслужила уважение и почет со стороны свекра и свекрови, а также любовь молодого заботливого супруга.

Я был единственным ребенком в семье моих родителей. Отец во мне души не чаял, все детство носил меня сначала на руках, а затем на плечах. В деревне, куда родители отправляли свое чадо отдыхать на лето, меня баловали. Дед учил управляться с лошадью и обучал плаванию в местном пруду, бабуля угощала самыми вкусными пирогами с яблоками. В городе отец часто брал меня на работу в типографию, где трудился день и ночь. Показывал огромные машины, которые с легкостью мог починить или наладить. На его огромных руках все время были следы типографской краски. Все процессы печатанья газет и журналов вызывали у меня живой интерес. Но к инженерному делу я не имел никакой предрасположенности. Меня волновали стихи или рассказы, которые печатались на этих огромных станках. Я мог одним из первых познакомиться с произведениями, новостями и текстами свежих изданий. Со временем мне самому захотелось стать автором хотя бы одной строчки, увидевшей печатный станок. В школе я попросился в редколлегию местной газеты. В старших классах вел свою рубрику школьных новостей. После получения аттестата зрелости я поступил в университет на журналистский факультет. Учеба давалась мне легко. Вскоре я стал старостой группы. Вечерами подрабатывал простым рабочим в типографии вместе с отцом. К моменту получения диплома о высшем образовании я свободно говорил на нескольких иностранных языках, прекрасно владел пером, был начитан, неплохо разбирался в типографском деле и был приглашен работать в известное издательство нашего города.

Руководителем этого предприятия был пятидесятилетний Иван Давидович Петерсон. Несмотря на просоветское воспитание в нем присутствовала предпринимательская жилка, возможно, причиной тому таланту служило его происхождение. В его роду были сплошь и рядом торговцы. К началу девяностых, когда издательские предприятия разорялись одно за другим, он смог приватизировать несколько заброшенных зданий, за бесценок выкупить типографию, в которой работал мой отец, тем самым спас от сокращения почти весь персонал, а их семьи от нищеты. Нашел неравнодушных спонсоров и к концу девяностых годов прошлого столетия стал монополистом по изданию почти всей печатной продукции нашего города. Он прекрасно разбирался в поэзии и талантливых людях, которыми окружил себя. Мне поручал самые сложные, но творческие задания. Чтобы не утонуть в рутине однообразной работы, связанной с издательской деятельностью, он направлял меня на мероприятия для освещения самых ярких событий нашего региона. Давал возможность вести свою рубрику в газете, которую выпускал солидным тиражом, получая немалую выгоду от рекламы.

Однажды Иван Давидович направил меня в местный роддом, чтобы взять интервью у главного врача на открытии лечебного заведения после длительного ремонта. Там я обратил внимание на миловидную девушку, которая безуспешно пыталась пробиться сквозь толпу врачей и зевак, пришедших на открытие. Она оказалась фельдшером, приехавшим на открытие роддома из соседнего городка. Девушка хотела посмотреть на новое оборудование, о котором только читала в книжках и видела по телевизору. Учитывая, что все суеились возле представителей власти, спонсоров и молодой роженицы, участвующих в официальном открытии, до молодого специалиста никому не было дело. Репортеров для интервью оказалось достаточно много, писать про новости, озвученные на всех углах, было скучно, и я решил поближе пообщаться с настойчивой особой. Девушку звали Марина. После окончания медицинского училища она вернулась в свой городок и стала работать по профессии, но мечтала стать врачом роддома, оборудованного по последнему слову техники. Для этого молодая целеустремленная медсестра поступила в медицинский институт и сумела добиться прохождения практики в городском родильном доме. Марина с удовольствием рассказала обо всех сложностях медицины небольших городков. Ее сведения стали основой моего материала, но Иван Давидович запретил писать на эту тему. Он не любил «острых» углов в своей газете, поругал меня за невыполнение своего поручения. На все мои уговоры дать возможность написать правду об откровенном воровстве районных властей Иван Давидович ответил резким отказом, сказал, что у меня молоко на губах еще не обсохло, чтобы умничать или кого-то разоблачать. В завершение своих поручений главный редактор предложил мне прекратить стремиться к острым ощущениям и жениться, чтобы обрести настоящий смысл жизни.

Не скрою, мой руководитель разозлил меня, но, успокоившись, я решил воспользоваться

его советом. Я сделал предложение маленькой фельдшерице стать моей женой. Марина ответила отказом, заявив, что не любит меня и не может выйти замуж за первого встречного. Мне понадобилось применить все свое обаяние и полгода жизни, чтобы она согласилась стать моей половинкой. Когда моя жена оканчивала третий курс медицинского института, мы узнали, что скоро станем родителями. В положенное время у нас родился сынок Максим. Когда я первый раз в жизни взял этот маленький живой кричащий комочек в свои руки, понял, что бесконечно счастлив.

Как и мой отец, воспитанием сына я решил заниматься сам и не выпускал Максимку из рук. Вместе с дедом часто брал его на работу в типографию. В отличие от меня сынок любил возиться с отвертками и ключами, чем, безусловно, радовал деда. Ко мне в кабинет Максимка ходил неохотно, говорил, что у меня скучно, потому как там ничего не крутилось.

Со времени рождения Максимки я перестал стремиться писать сенсационные материалы, был сконцентрирован на проведении редакторской работы рукописей книг, поступающих к нам на издание. Увлёкся переводом романов и стихов неизвестных английских писателей и поэтов. Стал активным участником общественных издательских объединений и советов, старался найти дополнительные спонсорские деньги для издания особенно интересных материалов и книг.

После окончания медицинского института Марина устроилась работать в роддом врачом. Когда Максимке исполнилось десять лет, она стала заместителем главного врача. Наша жизнь была продумана и спланирована на несколько лет вперед. Мои родители были дружны с родителями супруги, часто ездили друг к другу в гости. Но нашему покою и тихому семейному счастью не суждено было продлиться вечно...

Когда Максимке исполнилось двенадцать лет, на свой день рождения он стал просить в подарок мокик (маленький мопед). Учитывая панический ужас жены-врача к этому виду транспорта, Максимке в подарке было отказано. Максимка тогда страшно надулся на мать, пытался найти поддержку у меня и своих дедушек и бабушек. Но наша семья тогда проявила невероятную солидарность и выдержку в этом вопросе. В тот год упрямому отпрыску был подарен хороший компьютер.

Чтобы поздравить ребенка, мы запланировали поужинать всей семьей. Мама напекла своих фирменных пирогов, родители Маришки привезли солений со своего огорода, я

решил открыть коньяк, купленный в год рождения сына. Чтобы без суеты пообщаться друг с другом, было принято решение назначить ужин на ближайший выходной. В обед накрыли на стол и спохватились, что забыли купить хлеб. Максимка сам вызвался сбегать в соседнюю булочную. Маришка дала ему деньги и отправилась в спальню, чтобы надеть красивое платье к обеду. Я поцеловал сына и попросил не задерживаться. Он сказал, что вернется мигом. Живым Максимку мы больше не видели...

Выходя из дома, сын встретил друга, который катался на мокике, полученном в подарок от отца-дальнбойщика. Зная слабость Максимки к этому транспорту, друг предложил прокатить его до булочной. Именинник с радостью согласился и сел сзади водителя. По рассказам очевидцев, когда на повороте загорелся сигнал, запрещающий движение, мокик с мальчишками вдруг резко рванул на дорогу и попал под колеса летевшего навстречу легкового автомобиля. Максимка перелетел через друга, падая, сломал шею и умер до приезда скорой помощи. Друг отделался ушибами и царапинами...

Когда случилось столкновение, в открытые окна балкона я слышал удар и скрежет металла. Вдоволь поругав лихачей, я не мог предположить, что в ту минуту на асфальте весь в крови лежал Максимка. Мое сердце не кольнуло, я даже не почувствовал опасности. Осознание трагедии случилось через пятнадцать минут, когда Максимка не вернулся из булочной и соседские мальчишки постучали к нам в дверь...

Все, что случилось потом, было похоже на странный, нелепый, ужасный сон, который должен был вот-вот закончиться, но каждый следующий день вместо яркого летнего солнца погружал нас во тьму осознания, что все происходит на самом деле. Итогом шестимесячного ада стали свидетельство о смерти единственного сына, несколько инфарктов наших с Мариной родителей, постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления, соболезнования водителя машины, сбившего глупых неопытных мальчишек, постоянные поездки на кладбище, щемящее одиночество и горе, которому не было предела...

Ариша ЗИМА